

Вместе с тем логически стройной, непротиворечивой системой юридических лиц пока не может похвастаться не только российский, но и никакой другой современный правопорядок. Дело в том, что отдельные виды юридических лиц в конкретном правопорядке возникают и существуют не только в результате сознательного стремления законодателя закрепить те или иные

их разновидности, заполняя этим пустые «клеточки» в некоей заранее продуманной таблице, но и вследствие тех или иных конкретных особенностей социально-экономического и национально-исторического развития. Появление новых видов юридических лиц в российской смешанной экономике как нельзя лучше подтверждает это обстоятельство.

Библиографический список

- Haberer T., Krejci H. (Hrsg.). Konzernrecht. Handbuch. Wien, 2016.
- Meier-Hayoz A., Forstmozer P. Schweizerisches Gesellschaftsrecht. Zehnte Aufl. Bern, 2007.
- Tholen L. Europäisches Konzernrecht. Eine Untersuchung auf der Grundlage eines Vergleichs des deutschen und englischen Rechts / Schriften zum Internationalen Recht. Bd. 194. Berlin, 2014.
- Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950.
- Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
- Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. I. М., 2004.
- Вестник гражданского права. 2012. № 5; 2013. № 2.
- Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А. Л. Маковского. М., 2009.
- Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект) // Вестник гражданского права. 2009. № 2.

Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)

ГАДЖИЕВ Гадис Абдуллаевич, судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская площ., 1
E-mail: ksrf@ksrf.ru

В статье рассматривается вопрос об определении правового статуса роботов посредством категорий классической теории о лицах. Юридическое понятие «лицо», будучи общим для философии, психологии, экономики, имеет колоссальное значение для всех общественных наук. Имея множество интерпретаций, в современной цивилистической науке данное понятие стало наиболее эластичным. Вместе с тем появление цифровой экономики актуализировало изучение традиционной проблемы правоспособности лиц, участвующих в имущественных отношениях.

Вопрос о признании роботов полностью правосубъектными и придании им статуса «лица» еще не является актуальным, поскольку на данном этапе развития технического прогресса их действия неразрывно связаны с производителем и владельцем. Однако в дальнейшем создание автономного искусственного интеллекта повлечет потребность в легитимизации признания юридической личности у высокоразвитой робототехники.

Для создания системы правового регулирования в цифровом пространстве полезно применение конструкций, разработанных междисциплинарным научным направлением «Право

и экономика». Понятие личности рассматривается в данном направлении как экономический принцип, являющийся внутренней структурой субъективных прав, а ее юридическое признание происходит также на экономических рынках товаров и идей.

Юридический концепт действительности, созданный в процессе многовековой эволюции правовой науки, сохранит свою научную идентичность, и его элементы будут востребованы для построения системы правового регулирования отношений, возникающих в сфере цифровой экономики. Появление юридической личности связано прежде всего с удвоением физического образа носителя статуса «лица» и его образа в юридическом мире. При поиске правовых форм, необходимых для цифровой экономики, целесообразно прежде всего ориентироваться на проблему персонализации роботов-агентов. Должна быть оценена величина рисков, связанных с созданием искусственного интеллекта, способного к самообучению и автономному определению своих действий.

Ключевые слова: юридическое понятие «лицо», правовой статус робототехники, правовое регулирование цифровой экономики.

Whether the Robot-Agent is a Person? (Search of Legal Forms for the Regulation of Digital Economy)

G. A. GADZHIEV, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation

1, Senatskaya sq., St. Petersburg, Russia, 190000

E-mail: ksrf@ksrf.ru

This article is devoted to the robots' legal status determination by means of legal entity theory. The legal concept of "person" being common to philosophy, psychology, economics, is of great importance for all social sciences. With the benefit of various interpretations, in modern civil law science this concept has become more elastic. However, the emergence of the digital economy stimulated the study of traditional problems of legal capacity of persons involved in property relations.

Robot's legal personality recognition still is not actual since at the present stage of technological progress their operation is inseparably connected with the manufacturer and the owner. But after a while the creation of autonomous artificial intelligence will entail a demand for legitimization of robot's legal personality.

To create a system of legal regulation in the digital space useful application of constructions developed by interdisciplinary scientific direction "Law and Economics". The concept of personality is considered in the "Law and Economics" as an economic principle, which is the inner structure of subjective rights, and its legal recognition takes place also on the economic markets of goods and ideas.

The legal concept of reality, created during the centuries-long evolution of law science, will maintain its academic identity, and its elements will be needed to build a system of legal regulation of relations arising in the field of digital economy. The emergence of legal personality is primarily connected with the physical doubling of the imagery carrier status of "person" and its imagery in the legal space. While searching for legal forms required for the digital economy, it is advisable first of all to focus on the problem of personalization of robotic agents. The creators of artificial intelligence need to assess the risks associated with the creation of artificial intelligence capable of self-learning and autonomous definition of their actions.

Keywords: the legal concept of "person", the legal status of robotics, the digital economy legal regulation.

DOI: 10.12737/art_2018_1_2

Д. В. Пятков является автором постановки оригинального вопроса: «Человек есть физическое лицо или у человека есть физическое лицо? Юридическое лицо — это кто или оно чье»?¹

Разграничение человека («человек — физическое лицо») и его юридической маски («у человека есть физическое лицо») — это ключ для понимания юридического мира как искусственного и фикционного.

В последнее время мы часто видим по телевизору говорящих роботов с признаками искусственно-

¹ Пятков Д. В. Лицо людей // Российский юридический журнал. 2012. № 5.

го интеллекта и с лицом, вполне похожим на лицо человека. В вопросе Д. В. Пяткова речь идет, конечно же, не о лице как передней части головы человека, а о его возможности (посредством обладания способностью быть лицом, являющейся сугубо юридической) попасть в особый, созданный юридическим гением человечества, юридический мир.

Появление виртуального интернет-пространства, а затем и цифровой экономики актуализировало изучение традиционной для юридической науки проблемы правоспособности, в гражданском праве — понятия лица, юридической личности, участвующей в имущественных отношениях.

Новые информационные технологии горделиво переступают правовые границы национальных государств. Технологии блокчейна, возможность эмиссии криптовалюты не признают юрисдикцию национальных банков. Информационное право отвоевывает пространство правового регулирования у гражданского права, свидетельством чего является исключение из перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) упоминания об информации. В Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» появились новые правовые статусы, в частности статус «обладания информацией», построенный на спецификации старого цивилистического понятия «владение». В пользовательском соглашении с Mail.ru вообще нет упоминания о российском праве, хотя и предусмотрена возможность появления споров, подлежащих рассмотрению в российских судах. Видимо, оно рассматривается как самодостаточное.

Несмотря на кажущуюся утрату гражданским правом своих позиций в регулировании отношений, возникающих в цифровой экономике, юридический концепт действительности, своеобразный юриди-

ческий мир, созданный в процессе многовековой эволюции юридическим гением человечества, и особенно юристами средиземноморья в античный период, а затем голландскими, итальянскими и немецкими юристами в Средние века, сохраняет свою научную идентичность, и его элементы неизбежно будут востребованы для построения системы правового регулирования отношений, возникающих в цифровой экономике, о чем пойдет речь в заключительной части статьи.

Но прежде чем предложить правовой инструментарий, обеспечивающий участие роботов-агентов в отношениях, регулируемых правом, необходимо кратко описать устройство этого юридического мира, который в период римского права обозначался термином *ars*, а затем, в период становления рациональной европейской науки в XVI—XVIII вв., получил законченный вид правового концепта действительности². А фундаментальные юридические понятия лица и правоспособности можно образно рассматривать как «входной билет» в юридический мир.

Лицо (*persona* — лат.) относится к числу древнейших юридических понятий, причем настолько важных, что его наряду с понятиями «действие» (договор), «вещь», «ответственность», «государство», «воля» можно рассматривать как системообразующее. Есть несомненная когнитивная связь между понятием *persona* и классическим определением права, данным Цельсом, — *jus est ars boni et aequi*, которое Ульпиан считал «превосходным». Оно является таковым, но при обязательном условии учета всего множества смыслов, которым обладает латинское слово *ars* и имея в виду генеалогию понятия *persona*.

² Подробнее о понятии юридического мира как научного конструкта см.: Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

Предложенное Цельсом определение права помогает понять устройство юридического мира. Все знают эти латинские слова по переводу И. С. Перетерского: «Право — есть искусство добра и справедливости». Однако неточный перевод всего лишь одного слова *ars* превратил действительно «превосходное» определение права в чуть ли не вводящее в заблуждение. Дело в том, что слово *ars* имеет как минимум шесть смыслов в латинском языке, а один из них действительно — искусство. Но чтобы понять глубину этого определения, надо использовать при переводе другой смысл слова *ars* — и это нечто искусственное, научно созданное, неестественное, пребывающее в вымышленном, фикционном мире идей.

Для понимания природы юридического мира как *ars* поучительна история перевода известными русскими цивилистами И. Б. Новицким и Г. Ф. Шершеневичем термина *persona*.

В известном учебнике римского права И. Б. Новицкого латинское слово *persona* переведено как лицо. То есть для него *persona* — это человек, пусть и не каждый, раб — это человек, но не *persona*, не лицо. Он недвусмысленно пишет, что лица — это люди. И Г. Ф. Шершеневич в первом издании своего учебника, следуя традиции, перевел *persona* как лицо. Но в более позднем издании «Учебника русского гражданского права» он неожиданно переводит *persona* как маска, взяв тем самым на вооружение это понятие не как антропологическое, биологическое, а как сугубо юридическое³.

Казалось бы, неважно, какое значение имеет перевод латинского термина *persona* — лицо или маска. Оказывается, имеет, причем значительное. Е. Спекторский разъясняет, почему Г. Ф. Шершеневич уточнил свое понимание термина *persona*:

³ См.: Пятков Д. В. Физическое лицо человека // Цивилист. 2012. № 1. С. 33.

«Даже понятие физического лица является чем-то надэмпирическим, особым метафизическим придатком к реальному человеку. Это понятие является как бы метафизической маской, личиной, надеваемой на людей юриспруденцией, — подобно той маске с очень широким ртом этрусского происхождения, которую носили римские актеры и которая называлась *persona*»⁴. Вот откуда — из атрибутов театральной жизни — заимствовано важнейшее юридическое понятие *persona*! И не случайно Шершеневич в «Учебнике русского гражданского права» использует вместо понятия «лицо» слово «маска». По всей видимости, он был знаком с работой Vercellini⁵.

Д. В. Пятков обратил внимание, что и один из учеников П. И. Новгородцева — Е. Н. Трубецкой различал понятия *persona* (субъект права) и «человек» как биологическое существо: «Раз закон признает, охраняет право зародыша, последний тем самым признается за субъект права. Но если так, то, стало быть, субъектом права может быть лицо, еще не родившееся...»

Есть смысл погрузиться в глубину веков для того, чтобы выяснить, как появился юридический мир. Категория *юридическая картина мира*, по мнению Ю. А. Веденева, открывает новые возможности и перспективы концептуализации ключевого предмета правоведения — социокультурных, экономических, ментальных и когнитивных условий и факторов юридической эволюции⁶.

Используя данную категорию, Ю. А. Веденев, по сути, опирается на предложенную мною категорию юридического концепта действи-

⁴ Спекторский Е. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. М., 1913. Кн. 2. С. 72—73.

⁵ См.: Vercellini. Totius latinitatis lexicon. III. 1833. P. 365.

⁶ См.: Веденев Ю. А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex Russica. 2014. № 6.

тельности⁷, существенно дополнив и, надо признать, удачно скорректировав ряд выдвинутых мною идей. В частности, он верно подметил, что право или правовая реальность — это не «незначительная часть всеобщей реальности». Это само социальное бытие, но только в одной из онтологически заданных форм существования социального бытия оно имманентно существу, пребывает не над и не вне социальной реальности, поскольку находится внутри ее. Правовое, по мнению Ю. А. Веденеева, — это такое фундаментальное качество социальной реальности, которое гарантирует социальный порядок.

Частью правовой реальности является система юридических идей, образующих юридический концепт действительности, который представляет собой разновидность научного осознания того, что люди называют правом, т. е. прежде всего систему научных юридических понятий. К появлению этого юридического научного языка непосредственное отношение имеют такие знаменитые ученые, как Б. Спиноза, Э. Вейгель, Г. В. Лейбниц, С. Пуфендорф и др. Учитель Лейбница и Пуфендорфа Вейгель, профессор Йенского университета, пожалуй, первым разработал проблему «установления», которую поставил еще Т. Гоббс, различая в окружающем человека мире «естественное» и «установленное», т. е. созданное сознанием человека.

Ценность учения об установлении состоит в том, что оно оказало влияние на философскую теорию познания, а через нее — на развитие юридического концепта действительности. Появилась особая теория морального (юридического) познания, отличного от познания физического, естественно-научного и психологического.

Теория Вейгеля обосновала реальность морального (юридическо-

го) мира на таких предпосылках, как писал Е. В. Спекторский, которые не только не совпадают с предпосылками реальности физического мира, но даже как будто исключают их и противопоставляются им. Вейгель и его последователи, прежде всего Пуфендорф, установили, что моральное познание имеет дело с «ноуменальным» человеком, который существенно и принципиально отличен от человека «феноменального», а поэтому выходит за пределы не только физического, но и психологического познания. Так, моральная (или юридическая) воля, с которой имеют дело этика и юриспруденция, не равнозначна психологической воле человека.

Подобным же образом моральное лицо, физическое лицо в праве являются чем-то существенно и даже принципиально отличным от понятия психологического субъекта, который, в свою очередь, представляет далеко не то же самое, что физическая вещь. Иными словами, учение И. Канта о «правовом разуме», взятое по крайней мере с методологической стороны, уже было сформировано в XVII столетии⁸.

Судьба таких фундаментальных гуманитарных понятий, как «лицо — персона — маска» и «личность, обладающая достоинством», является хорошим примером для демонстрации того, что известный русский философ права Е. В. Спекторский называл «генеалогией социальных идей»⁹.

Юридическое понятие лица, общее для всех социальных наук, и прежде всего философии, психологии, экономики, и понятие личности имеют колоссальное значение для общественных наук. Persona подобно Колоссу Родосскому — гигант-

⁸ См.: Спекторский Е. В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. II. Киев, 1917. С. 535.

⁹ Спекторский Е. В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. I. Варшава, 1910. С. 372.

⁷ См.: Гаджиев Г. А. Указ. соч.

ской скульптуре бога Солнца — Гелиоса возвышается над другими цинвистическими понятиями.

Как человек, оказавшийся в греческом или римском театре, в котором артисты носили специальные маски, переносился в особый мир, так и юристы для пространства правовой реальности ввели знаково-символическое понятие субъекта права. Оказывается, физическое лицо — это не человек, а правовая маска человека. Со времен классического римского права утверждение «субъектом права является только живой человек» становится ошибочным как связанное с узкореалистическим пониманием права, его концепта, в котором и еще не родившийся человек, и человек умерший могут быть признаны субъектами права. То есть для римских юристов *persona* — это был не человек, которого можно было потрогать руками, для них была несущественна телесная сущность человека, они признавали разницу между физическим и юридическим рождением человека.

Persona — это источник великого множества не только юридических, но и философских, теологических, социологических и даже литературных идей. Начну с последних. Всем памятна цитата из комедии У. Шекспира «Как вам это понравится»: «Весь мир — театр. В нем женщины, мужчины — все актеры. У них свои есть выходы, уходы. И каждый не одну играет роль». Действительно, все начинается с маски, с этрусского слова “fersu”, означающего «маска». *Persona* в классический период имела уже несколько значений, далеко отстоящих от театральной маски, которую имел в виду Шекспир. Оно означало и житейскую роль или функцию, которую выполнял человек в жизни, будучи либо пахарем, либо военачальником, либо поэтом. Поэтому *personam vitae deponere* означает снять маску жизни, т. е. иносказательно — умереть. В случае смерти биологического человека происходил разрыв с его со-

циальной функцией. С лица умершего реально снимали гипсовую маску, что означало его освобождение от жизненной роли.

Вот почему современный индийский философ и врач-психотерапевт Дипак Чопра — гуру Майкла Джексона, Мадонны, Леди Гаги считает, что у каждого человека есть внутреннее «я» (лат. *alter ego*. — Г. Г.), но внешне он всегда носит маску, играя жизненную роль. В русском языке термину *persona* соответствует старое слово «личина», обозначающее маску на лице.

Обратим внимание на это обстоятельство — на некую двойственность человеческого сознания и реальной роли, функции, иначе — маски, человека. Из этой двойственности и проистекает различие биологического человека, наделенного сознанием, и его юридической маски (понятия лица), которая заменяет человека в искусственном юридическом мире, сконструированном из элементов, являющихся продуктами сознания, которые не обладают никаким реально значимым содержанием, а от начала до конца являются выдумками, фикциями, созданными человеком в качестве технических средств приспособления к существованию в условиях социума¹⁰.

Бонавентура, итальянский философ XIII в., автор «Пути души к Богу», давал еще одну интерпретацию этимологии термина *persona* — *per se sonare*, т. е. «звучать через себя», что означает: персоной является не любой человек, а тот, кто обладает собственным голосом¹¹. Еще одна известная в Средние века этимология *persona* — это *per se una* (единая сама по себе). С этой интер-

¹⁰ См.: Аркан Ю. Л., Солонин Ю. А. Философия фикционизма Ганса Файхингера: опыт ретроспекции и оценки // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. СПб., 2002. С. 30—31.

¹¹ См.: Новая философская энциклопедия. Т. II. М., 2010. С. 400.

претации начиналась новая жизнь старого театрального, а потом и юридического понятия, подхваченная философией, теологией и социологией. *Persona* стало рассматриваться как индивидуальность, выделенная из рода себе подобных, из *homo*, как человек, занимающий конкретное положение в обществе в силу стремления к собственному «я». Сенека различал четыре «личины», которые носит человек: он обладает признаками человеческого рода — *homo*; относится к определенному типу характера; живет в конкретном сообществе людей, которое называлось амфитрионом; избирает определенную профессию или образ жизни. Но при том, что человек носит несколько масок, он всегда стремится к собственному «я», и поэтому Марк Аврелий призывал каждого создать свою собственную персону.

Появление учения Декарта о человеке как двух субстанциях — телесной и духовной, отрицающее психофизическое единство человека, привело к образованию новых граней в многогранном научном понятии личности. У картезианцев личность отождествляется с сознанием человека, а Лейбниц в «Теодицее» рассматривал совесть как сущность личности.

И. Кант возродил старую идею Фомы Аквинского о том, что каждая личность есть индивид и субъект, но только обладание особым достоинством делает субъекта личностью. Фома Аквинский провозглашал, что личность представляет то, что является наиболее совершенным во всей природе. Поэтому существенное для личности — быть господином своих действий, действовать, а не приводиться в действие. А Кант дал обоснованное понятие личности в сфере практической философии. Личность у него отличается от других вещей тем, что она есть не средство, а «цель сама по себе», и поэтому появляется категорический императив относиться к человеку в соответствии с этим высшим этическим законом.

Это идеалистическое понимание личности позднее было подвергнуто критике Л. Фейербахом, материализм которого обосновывает, что «тело есть основной субъект личности»¹².

К. Маркс предложил самое известное в нашей стране определение личности как совокупности общественных отношений¹³, не утратившее свое научное значение.

Описанная многомерность понятия личности позволяет охарактеризовать историю развития представления о личности как историю открытия ее различных измерений, послужившую основанием для осознания междисциплинарного статуса проблемы лица, личности¹⁴.

Для разработки доктринальных оснований правового регулирования цифровой экономики вообще и отношений с участием роботов-агентов необходимо учитывать все многообразие этих идей, особенно о том, что только личность человека является наиболее совершенным созданием природы, а поэтому только человек является «целью самой по себе», только у человека есть совесть.

Искусственный интеллект пока еще далек от человеческого и вряд ли в ближайшее время сравняется с ним. Он охватывает различные виды информационной и промышленной техники — от программ на смартфонах, промышленных роботов, дронов, автопилотируемых автомобилей до более сложных андроидов, т. е. операционных систем и роботов-агентов. В отличие от робототехники роботы-агенты обладают способностью автономности, т. е. самостоятельного выполнения определенных задач. Дополнение в виде слова «агент» означает, что такие роботы являются представителями кого-либо — физического или, чаще,

¹² Фейербах Л. Соч. Т. 2. М., 1955. С. 97.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 262.

¹⁴ См.: Новая философская энциклопедия. Т. II. С. 401.

юридического лица (исходя из критерия автономного выполнения задач, к числу роботов-агентов не относятся дроны, аппараты для глубоководного погружения и т. д., поскольку они управляются человеком).

Учитывая все научные измерения понятия личности, тем не менее ближе всего к правовому регулированию с участием роботов юридическое понятие лица, хотя с учетом разнообразия техники они могут быть как объектами, так и субъектами правоотношений.

В римской юриспруденции *persona* имело логические связи с другим юридическим понятием *caput*. Первоначально *caput* означало только голову человека, позже этим термином обозначали того, кто облагается поголовным (подушным) налогом (*ex actio capitum*)¹⁵. Затем *caput* превратилось в понятие, аналогичное в современном праве понятию дееспособности, поскольку выделяли три способности участия в гражданской обороне: *capitis deminutio maxima* (наибольшее ограничение способности к правообладанию), *capitis deminutio minima* (наименьшее ограничение способности к правообладанию).

В настоящее время в доктрине гражданского права продолжают соперничать две точки зрения о способности субъектов права к правообладанию. Согласно одной из них существует синкретичное юридическое понятие правосубъектности, которое состоит из двух элементов — состояний: правоспособности и дееспособности. Другая теория тоже оперирует понятием правосубъектности, но при этом оно отождествляется с признанием государством за кем-то общей способности к правообладанию, т. е. к возможности быть участником правоотношений. Согласно этой теории правосубъектность отождествляется только с правоспособностью.

¹⁵ См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 156.

Н. Л. Дювернуа утверждал, что лицо — это не более чем «известная сфера правоотношений, а поэтому нельзя связывать с юридической личностью “телесную или вещественную начинку”»¹⁶.

В XIX в. появились два юридических мировоззрения: 1) «вещественное», «узореалистическое» и 2) мировоззрение, основу которого составляет подход к юридическому миру, миру фикционных идей как особой реальности.

Термин «узореалистическое понимание права» был введен в научный оборот князем Е. Н. Трубецким.

В отличие от современной цивилистической литературы, судя по которой вопрос о лице потерял дискуссионный характер, в дореволюционной литературе по философии права и по гражданскому праву существовали разные взгляды на понятие «лицо», которые, с моей точки зрения, отражали разные методологические подходы к пониманию правовой реальности. Трубецкой очень точно показал суть цивилистической проблемы и ее онтологическую «подкладку». Он писал: «В большинстве юридических энциклопедий отдел о субъекте права начинается с положения, что субъектом прав является человек, физическое лицо. Положение, что люди являются субъектами прав, само собой очевидно и не нуждается в разъяснении. Но рядом с этим значительная часть юристов полагают, что субъектами права могут быть только живые, действительные люди. Положение это служит в наше время предметом спора, имеющего первостепенное значение. Утверждение, что субъектом права может быть только живой человек, тесно связано с узореалистическим пониманием права»¹⁷.

¹⁶ Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. М., 1917. С. 167.

¹⁷ Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

Узкореалистический подход к праву — это не только отрицание правовой реальности за субъектами права, не совпадающими с биологическими человеческими существами, но и негативное отношение к другим элементам юридического концепта, в частности к воле государства. Воля государства в юриспруденции как понятие предполагает совсем не то, что обычно понимается под волей в философии или психологии.

В этом, собственно, кроется суть онтологической ошибки, допускаемой учеными, которые считают это юридическое понятие метафизическим вздором. Юридические понятия не совпадают с аналогичными понятиями в других интеллектуальных концептах. Видимо, в праве выработаны защитные механизмы от угроз методологического синкретизма, а поэтому каждый элемент сложной конструкции, именуемой юридическим концептом действительности, необходимо оберегать.

До Е. Н. Трубецкого и Г. Ф. Шершеневича в середине XIX в. сходные взгляды на субъект права высказал немецкий ученый О. Гирке, утверждавший, что «лицо» — это исключительно правовое понятие, которое получается при помощи совершаемой правосознанием абстракции, путем выделения одной части действительности. Поэтому юридический субъект невидим и неосязаем. Такой же точки зрения придерживался Г. Кельзен, который утверждал, что лицо, как оно понимается юристами, есть понятие не фактическое, а чисто нормативное. Всякое лицо, по его мнению, как субъект права есть нечто совершенно искусственное, созданное особой юридической конструкцией. Поэтому нельзя отождествлять человека с правовым субъектом. Понятие «человек» не совпадает с понятием «личность» в юридическом смысле слова, психологическая воля человека не имеет ничего общего с его юридической волей. Человек становится

лицом, когда при помощи юридической конструкции он превращается в особый «центр вменения», лежащий по ту сторону фактических отношений. Подобным центром вменения правовой концепт может считать не только человека. Существует тождество внутренней природы государства как юридического лица с внутренним существом любого иного субъекта права — будь то человек, корпорация, общество, учреждение. По мнению Г. Кельзена, есть полное сходство между юридической волей государства и волей других лиц в юридическом смысле этого слова, поскольку волей этой является способность к юридическому вменению¹⁸.

«Вещественное» или «узкореалистическое» юридическое мировоззрение, проявляющееся, в частности, в понимании сущности лица в праве, отстаивал Р. фон Иеринг, который, возможно, попал под влияние материалистической философии Л. Фейербаха. После публикации работы Иеринга «Цель в праве», в которой он проводил основную мысль о том, что вся социальная жизнь, деятельность государства связаны с «царством целей и целесообразностью деятельности человека», господствующей в европейском праве конца XIX в. стала та точка зрения, что субъект права имеет субъективные права и интересы, обладателями же интересов могут быть только живые, чувствующие человеческие существа. А поэтому он не мог представить себе субъекты прав, как он выражался, «без брюха».

Мир права, писал Спекторский, это особый мир, как бы надстраиваемый юриспруденцией над эмпирической действительностью. При этом она широко пользуется не только предпосылками нравственности, жизнепонимания, которые при желании можно признать всецело метафизическими, но и рядом

¹⁸ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. М., 1987.

презумпций, конструкций и фикций, весьма далеких от эмпирической действительности¹⁹.

В современной науке гражданского права продолжают затянувшиеся споры о понятии гражданской правосубъектности, о соотношении между правосубъектностью и правовым статусом.

Метафизические споры о понятиях правосубъектности или о сущности юридического лица могут продолжаться бесконечно. Но надо все же заботиться об авторитете науки гражданского права. С точки зрения философии науки непрекращающиеся споры о понятиях являются свидетельством серьезного методологического кризиса в той или иной науке и назревшей потребности к парадигмальным изменениям. Полагаю, что как компромисс может быть предложен такой вариант решения проблемы.

В науке гражданского права сформировался институт лица как участника гражданских правоотношений. Участниками последних могут быть только лица — физические и юридические. Последние охватывают очень широкий круг участников гражданских правоотношений — от публично-правовых образований (а это государства, муниципальные образования, которые должны являться публичными юридическими лицами, даже такие специфические субъекты, как казачьи общества) до семейно-трудовых объединений (крестьянские хозяйства) (ст. 50 ГК РФ).

Сам факт включения в перечень субъектов гражданских правоотношений этих новых юридических лиц (казачьи общины, крестьянские хозяйства) является свидетельством эластичности понятия юридического лица. А поэтому в будущем, когда по мере совершенствования искусственного интеллекта может

возникнуть потребность в признании юридической личности роботов-агентов, можно будет подумать о том, не признать ли их особой разновидностью юридических лиц. Может быть использован и альтернативный вариант, основанный на применении уже имеющейся юридической техники уподобления²⁰. Робота-агента можно будет в будущем, когда возникнут реальные предпосылки наличия у них интеллекта, т. е. сознания и воли в их юридической, а не психологической интерпретации, признать «как бы субъектами права» (квазисубъектами). Практическая потребность, которая будет подталкивать процесс цивилистической легитимизации признания юридической личности у высококоразвитой робототехники, связана с необходимостью решения проблемы юридической ответственности. Как известно, после публикации в СМИ информации об авариях с участием автопилотируемых автомобилей компании «Тесла» И. Маск заявил, что компании-производители не должны нести ответственность за аварии, в которые попадает самоходный автомобиль, подобно тому, как компания-производитель лифтов не должна нести ответственность в каждом случае останова лифта. По всей видимости, Маск имеет в виду юридическую идею о том, что в таком случае имущественную ответственность должен нести собственник источника повышенной опасности, а не компания-производитель²¹.

В настоящее время уже возникает необходимость разрешения юриди-

²⁰ Имеется в виду то, что в соответствии со ст. 124 (п. 2) ГК РФ публично-правовые образования «уподобляются» юридическим лицам.

²¹ Напомним, что Россия одна из первых в Европе и в мире закрепила в ГК РСФСР 1922 г. безвиновную ответственность владельца источника повышенной опасности, и инициатором этого был А. Г. Гойхбарг, один из самых активных разработчиков первого советского ГК.

¹⁹ См.: Спекторский Е. В. К спору о реальности права // Юридический вестник. 1914. Кн. 5. С. 62.

ческих конфликтов с участием операторов робототехники. К примеру, это связано с использованием специальных диагностических аппаратов — компьютерных томографов. Врач-специалист, оперируя аппаратом МРТ, может допустить ошибку в диагностировании, повлекшую возникновение имущественной ответственности перед потерпевшим лицом или его родственниками. Ответственность может наступить и за бездействие, т. е. отсутствие должного внимания.

Сейчас уже есть робототехника, которая позволяет значительно снизить риск ошибки при диагностировании заболеваний человека, но и она не исключает ошибки. Если же ошибка будет допущена в результате применения такой робототехники, какой вариант деликтной ответственности должен применяться, и кто будет нести ответственность, и каковы будут ее субъективные основания? В арсенале частного права есть варианты смешанной ответственности при совместном причинении вреда: ответственность лица, являющегося источником повышенной опасности; ответственность производителя за качество товара (услуги) — ответственность перед потребителем.

Эта юридическая конструкция может оказаться полезной для правового регулирования отношений с участием робототехники. Достаточно вспомнить, что в некоторых случаях гражданско-правовые правосубъектности — статус лица предоставлялся в целях олицетворения имущества. Так, статус юридического лица может быть предоставлен выморочному наследственному имуществу.

В малоизвестном широкому кругу юристов учебнике гражданского права профессора Юрьевского университета И. М. Тютрюмова выделяется такой вид юридических лиц, как *совокупность имуществ*, тогда, когда с этой совокупностью связывается возникновение прав и обязанностей. Такой совокупностью иму-

ществ является имущественная масса, которая принадлежит государству и выделяется в виде юридического лица (казны)²². Автор считал, что важная в юридическом отношении особенность в положении такого юридического лица заключается в том, что оно не может считаться способным к заключению всех вообще сделок, имеет специальную правоспособность, т. е. юридическому лицу доступны не все гражданские права, а больший или меньший круг тех правоотношений, в которые оно может вступать и которые определяются особенностями данной корпорации или данного установления, а главным образом той целью, ради которой они возникают²³.

Лицо, гражданская правосубъектность представляют собой превращение совокупности имущества посредством приема (или техники) олицетворения (персонификации) в участника гражданских правоотношений.

В поиске гражданско-правовых форм, пригодных для правового регулирования коммуникации в цифровом пространстве, полезно вспомнить и про те познавательные структуры, которые разрабатываются в набирающем авторитет научном направлении, известном как «право и экономика». Это учение помогает преодолеть избыточный формализм традиционного частного права, образно выражаясь, проколоть прочную оболочку, которая делает его автономным и обособленным от других социальных наук, прежде всего от экономической теории.

В цивилистике понятие правоспособности описывается как сугубо официальный акт публичной власти, которая с помощью принятия закона признает способность определенных субъектов быть участниками имущественных отношений.

²² См.: Тютрюмов И. М. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 47.

²³ Там же. С. 51.

«Право и экономика» обращает внимание на то важное обстоятельство, упущенное юристами, что признание юридической личности происходит также на экономических рынках товаров и идей, являющихся интеллектуальной собственностью. Как известно, понятие личности творца, автора занимает центральное место в законодательстве о защите авторских, изобретательских прав и прав на товарные знаки. Помимо физических лиц, в силу экономической необходимости индивидуализации товаров, работ, услуг на рынках, в личности нуждаются также корпорации, у которых, как правило, есть фирменный продукт, т. е. товар, услуги, подвергающиеся индивидуализации с помощью товарных знаков.

Таким образом, можно утверждать, что правовая личность образует своего рода структуру, формирующую экономическое понятие рынка.

Одной из аксиом «права и экономики» является утверждение о том, что есть некие фундаментальные экономические принципы, которые лежат в основе права собственности, защиты прав интеллектуальной собственности и обязательств²⁴. Суть их состоит в том, что собственность, в частности, есть присвоение в целях нейтрализации всякого воздействия извне, всегда сопутствующее частнопредпринимательской деятельности. Поэтому в различных национальных правовых системах право собственности означает примерно одно и то же.

Такого рода фундаментальные экономические принципы можно рассматривать как неизменные структуры различных гражданско-правовых институтов. По сути, выделение таких структур представляет собой использование метода структурализма, получившего ши-

рокое применение во многих гуманитарных науках в XX в. Этот научный метод познания предполагает, что можно свести все имеющееся разнообразие явлений, например в законодательстве разных стран, к неким общим исходным структурам.

При изучении отдельных элементов многообразия следует мысленно абстрагироваться от содержательной специфики институтов права в разных странах, фокусируясь на экстрагировании общих свойств, именуемых внутренними структурами. Такими для основных институтов частного права являются фундаментальные экономические принципы.

Понятие личности (*personality* — англ.) рассматривается в «праве и экономике» как экономический принцип, являющийся внутренней структурой широкого круга юридических субъективных прав²⁵.

Выявление внутренних экономических структур не является самоцелью. Аксиома сложной контекстуальности в «праве и экономике» предполагает наличие контекстуальной связи юридических норм не только с системой права, но и с экономическими принципами, одним из которых является принцип рыночного признания юридической личности.

В современном зарубежном праве английское слово *person* означает положение, статус, роль. Правовой субъект может одновременно объединять несколько социально-экономических ролей, часть из которых связана с оборотом товаров, услуг, капитала и т. д. — роль отца, предпринимателя, кредитора, опекуна и т. д.

Person est homo cum stas guodam consideratus (лат.): персона — это человек, рассматриваемый с точки зрения определенных правовых ролей (статусов).

Английское *personality* означает правовое лицо человека, ту грань его личности, которая проявляет-

²⁴ См.: Маттеи У., Суханов Е. А. Основное положение права собственности. М., 1999. С. 63.

²⁵ См.: Познер Р. Рубежи теории права. М., 2017. С. 48.

ся в юридическом мире, т. е. правосубъектность. В более широком понимании *personality* означает быть индивидуальностью. Эта социальная характеристика человека предполагает, что сообщество людей, составляющее амфитрион, признает человека, его способность вызывать восхищение либо, наоборот, презрение.

Итак, личность признается обществом, официально она признается правосубъектной законом, и наряду с этими двумя разновидностями публично-правового признания личность нуждается и в частноправовом признании, осуществляемом потребителями, покупателями на экономических рынках.

Для рыночной экономики, разновидностью которой является цифровая экономика, *homo economicus* нуждается в индивидуализации. Р. Познер обратил внимание, что понятие «личность» занимает центральное место в законодательстве об интеллектуальной собственности.

Фирмы, корпорации или другие институты, подобные человеку, в силу экономической необходимости индивидуализации на рынках также имеют свою правовую личность. У такой правовой личности есть фирменный продукт, т. е. товар, индивидуализированный с помощью товарного знака.

Как ярко пишет Р. Познер, «культ правовой личности идет рука об руку с подъемом капитализма»²⁶. Повышение роли юридической личности и появление своеобразного «капитала доверия» как экономической ценности связано с изменениями в соотношении издержек и выгоды персонализированного производства товаров, услуг. Следовательно, личность оказывается экономической ценностью и выявляется она при исследовании ее природы, применении метода учета транзакционных издержек.

Учет транзакционных издержек является основополагающим ког-

нитивным принципом в экономическом анализе права. Эта исходная для «права и экономики» проблема была впервые поставлена в статье Р. Коуза «Природа фирмы»²⁷. Для того чтобы объяснить факт существования фирм в экономике, автор ввел понятие «издержки осуществления транзакционного обмена на открытом рынке», или просто «рыночные издержки». Фирма — это экономическая реальность, но именно Коуз превратил этот факт из реального мира в основание для изменения экономической теории²⁸. Он доказал, что производство может вестись совершенно децентрализованно (на основе контрактов между индивидами), но из того факта, что осуществление транзакции невозможно без определенных издержек, следует: фирмы должны возникать просто для осуществления действий, которые в противном случае совершались бы через рыночные транзакции.

Изучение издержек рынков не только позволило найти объяснение существования фирм, но также изменило предмет экономической теории. Они приобрели характер универсальной аналитической теории. Г. Беккер, нобелевский лауреат в области экономики, один из столпов «права и экономики», отмечал, что экономическая теория как научная дисциплина более всего отличается от прочих отраслей общественнознания не предметом, а своим методом²⁹. Универсальность «права и экономики» Р. Коуз объяснял, связывая с тем, что «если созданные экономистами теории (по крайней мере микрoэкономические) представляют собой по большей части определенный подход к изучению факторов, от которых зависит выбор (а я думаю, что так оно и есть), совершенно яс-

²⁷ См.: Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 2007.

²⁸ См.: Калабреззи Г. Будущее права и экономики. М., 2016. С. 29.

²⁹ См.: Беккер Г. С. Человеческое поведение. Экономический подход. М., 2003.

²⁶ Познер Р. Указ. соч. С. 50.

но, что они могут быть использованы для анализа выбора в других областях, в том числе в юриспруденции и в политике»³⁰.

Таким образом, правовая личность оказывается в структуре экономических рынков.

Р. Познер заметил такое важное обстоятельство, как размеры рынков³¹. В тех случаях, когда он небольшой, потребитель в состоянии установить производителя товара, услуги без «опознавательных знаков», каковыми по своей функции в экономике являются товарные знаки и их разновидности. Однако большинство современных рынков являются настолько большими, что их называют обезличенными (*impersonal, depersonalized*). Экономический фактор обезличенности и порождает возрастающий спрос на различные правовые способы персонализации.

По всей видимости, при поиске правовых форм, необходимых для цифровой экономики, целесообразно прежде всего ориентироваться на проблему персонализации роботов-агентов, робототехники.

Возрастающее значение фактора общественного и правового признания личности сопровождается необходимостью учета как издержек, так и выгод от персонализированного производства экономических благ.

Если рынок большой, то, соответственно, возрастают затраты производителя на информацию о производимом товаре, доводимом до потребителей. Следовательно, увеличиваются транзакционные издержки на рекламу товара и продвижение товарного знака. «Чем выше стоимость информации, — заметил Р. Познер, — тем труднее оценить продукт, а следовательно, тем больше ценность знания о том, кто его произвел. Иными словами, все больше благ сегодня являются тем, что экономисты называют *credence goods* (товары, оцениваемые на основе сло-

жившегося у потребителя доверия к ним. — Г. Г.) — благами, которые покупаются только на основании веры в производителя, а не прямого знания о продукте»³².

С учетом того что цифровая экономика предполагает наличие очень больших рынков, наибольшие выгоды может дать не официальное признание роботов-агентов правосубъектными, а частнопрововое признание личности производителей роботов-агентов потребителями, а поэтому необходимо увеличивать затраты именно на это признание личности производителя.

Нельзя не учитывать и то, что проблема признания юридической личности в цифровой экономике предполагает учет двух обстоятельств. Первое из них — преимущественно коллективная природа современного предпринимательства. Только большой коллектив может позволить себе осуществление больших затрат, связанных с экономическим признанием производителя робототехники, роботов-агентов потребителями. Второе обстоятельство: по мере невероятного возрастания количества новых научных идей творчество все больше становится зависимым от предшествующей творческой деятельности.

Таким образом, познавательные структуры «права и экономики» позволяют подвергнуть экономико-правовому анализу такие, казалось бы, сугубо юридические проблемы, как защита изобретательских прав, обладателей патентов и товарных знаков в целях поиска баланса между выгодами и издержками от признания юридической личности производителя и учета оригинальности, творческой новизны, которые должны определяться не сугубо формально, т. е. пользуясь формальными критериями, закрепленными в законе, а исходя из того, что доверительное благо (*credence goods*) создается не только создателем идеи,

³⁰ Коуз Р. Указ. соч. С. 8—9.

³¹ См.: Познер Р. Указ. соч. С. 50.

³² Познер Р. Указ. соч. С. 50.

но и благодаря действию рыночных механизмов, на которые влияют как юридические, так и иные социальные нормы³³.

Резюмируя вышеизложенное, обратим внимание на то, что появление юридической личности связано с процессом удвоения: образ живого человека удваивается появлением его юридического образа в юридическом мире. Создатели искусственного интеллекта должны ответить на вопрос, насколько велики риски, связанные с созданием искусственного интеллекта, способного к самообучению. Следует провести различие с использованием искусственного интеллекта для анализа и обработки больших данных (в бухгалтерии и даже в юриспруденции).

³³ Р. Познер подметил, что нет объективного средства, алгоритма определения качества творческого произведения, новой технической идеи. А поэтому возникает парадокс: культивирование и признание личности (автора. — Г. Г.) положительно связано с модой и стадным поведением (см.: Коуз Р. Указ. соч. С. 52).

Для этого достаточно возможностей, открываемых путем признания вычислительных мощностей объектами права. Технологии искусственного интеллекта, которые используются в автомобилестроении, приведут к необходимости разработки новых норм деликтного права, с тем чтобы разграничить ответственность между владельцами техники (материальное существо) и создателями его «души» (программного обеспечения).

До появления искусственного интеллекта, сравнимого с интеллектом человека, еще далеко. Человек формируется благодаря коммуникациям в обществе, перенимая этические, культурные, социальные нормы. Когда появится субъект, обладающий сознанием, совестью человека, тогда и настанет время для признания его субъектом правоотношений. Смогут ли программисты и специалисты в области вычислительной техники создать робота-агента, выполняющего множество социальных ролей? Если да, тогда и возникнет потребность в юридической маске.

Библиографический список

- Vorcellini. Totius latinitatis lexicon. III. 1833.
- Аркан Ю. Л., Солонин Ю. А. Философия фикционизма Ганса Файхингера: опыт ретроспекции и оценки // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. СПб., 2002.
- Беккер Г. С. Человеческое поведение. Экономический подход. М., 2003.
- Веденев Ю. А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex Russica. 2014. № 6.
- Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. М., 1917.
- Калабреззи Г. Будущее права и экономики. М., 2016.
- Кельзен Г. Чистое учение о праве. М., 1987.
- Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 2007.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
- Маттеи У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М., 1999.
- Новая философская энциклопедия. Т. II. М., 2010.
- Познер Р. Рубежи теории права. М., 2017.
- Пятков Д. В. Лицо людей // Российский юридический журнал. 2012. № 5.
- Пятков Д. В. Физическое лицо человека // Цивилист. 2012. № 1.
- Спекторский Е. В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. II. Киев, 1917.
- Спекторский Е. В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. I. Варшава, 1910.
- Спекторский Е. В. К спору о реальности права // Юридический вестник. 1914. Кн. 5.

Спекторский Е. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. М., 1913. Кн. 2.
Тютрюмов И. М. Гражданское право. Юрьев, 1922.
Фейербах Л. Соч. Т. 2. М., 1955.

Некоммерческие организации: проблемы гражданской правосубъектности

СОЙФЕР Татьяна Владимировна, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук
123286, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: tsoyfer@yandex.ru

В рамках совершенствования законодательства о юридических лицах планировалось обеспечить и усилить главенствующую роль общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ); упростить и унифицировать гражданско-правовое регулирование; создать стройную систему юридических лиц; уточнить признаки некоммерческих организациям признаки и объем их гражданской правоспособности; оптимизировать правовые формы некоммерческих юридических лиц. В определенной степени данные задачи были реализованы, однако это не способствовало повышению эффективности общественно полезной деятельности некоммерческих организаций, не позволило разрешить ряд теоретических проблем и исключить спорные ситуации на практике.

Автором предпринимается попытка выявить и проанализировать некоторые особенности гражданской правосубъектности некоммерческих организаций, обусловленные тем, что их основная цель обычно находится за пределами гражданско-правового регулирования и для ее достижения могут использоваться различные средства, а также тем, что в основе создания и функционирования некоммерческих юридических лиц могут быть конституционные и иные, в том числе особые экономические, принципы. Также поставлена задача определить уровень и оценить адекватность законодательного закрепления этих особенностей, прежде всего обновленными нормами ГК РФ.

Анализируются положения действующих правовых актов, регламентирующих статус некоммерческих организаций в целом, а также их отдельных форм и видов; исследуются материалы судебной практики, отражающие существующие подходы к определению объема гражданской правоспособности некоммерческих юридических лиц.

Формулируется вывод о необходимости проведения следующего этапа реформы законодательства о юридических лицах, в процессе которого следует уточнить признаки некоммерческих юридических лиц; закрепить критерии, позволяющие более четко определять объем и содержание их гражданской правоспособности; пересмотреть существующие подходы к характеру и условиям осуществления деятельности, приносящей некоммерческим организациям доход; усовершенствовать и расширить на уровне ГК РФ регламентацию статуса некоммерческих организаций отдельных форм. При этом многообразие некоммерческих организаций, имеющих специфику в целях и путях их достижения, функциях и внутреннем устройстве, требует применения дифференцированных подходов к регламентации их гражданской правосубъектности.

Ключевые слова: некоммерческие организации, юридические лица, гражданская правосубъектность некоммерческих организаций, совершенствование гражданского законодательства.

Non-Commercial Organizations: Problems of Civil Legal Capacity

T. V. SOYFER, professor at the Department of civil law of the Kutafin Moscow State Law University, doctor of legal sciences
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russia, 123286
E-mail: tsoyfer@yandex.ru